

18+

Людмила Андреева

*Да будет
ВОЛЯ
ТВОЯ!..*

Людмила Андреева

Да будет воля ТВОЯ!..

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63421546

ISBN 9785005183927

Аннотация

Вику не покидало странное ощущение тщательной продуманности всех Юриных поступков и действий. Будто он старался ей внушить мысль, что она, Вика, для него очень значима. Значима до той степени, за которой может быть только самый близкий и дорогой человек. Вначале она принимала это просто за жалость. А после – все начало выглядеть весьма сомнительно и стало походить на игру. Игру на ее девичьих чувствах...

Содержание

часть 1. Неприятие	5
I	6
II	21
III	35
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Да будет воля твоя!..

Людмила Андреева

«Нам бы про душу не забыть. Нам бы немножко добрее быть. Нам бы с нашими большими скоростями не забыть, что мы люди, что мы должны быть... Мы, раз уж так случилось, живем на земле. Ну, так и будьте повнимательнее друг к другу, по-добре...» (Василий Шукшин)

© Людмила Андреева, 2021

ISBN 978-5-0051-8392-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

часть 1. Неприятие

I

В ханском шатре собрались все приближенные. ...Сам Мухаммад восседал на золоченом походном троне. По одной стороне находился его незаменимый Рафгат, а с другой – доблестный воин, храбрый Исмаил. Их одежды, расшитые золотом и украшенные соответственно рангу, поражали своим великолепием. А в ногах Мухаммада сидела его любимая танцовщица, черноглазая красавица Зарика.

В шатер завели плененных в последнем набеге на русичей. Оборванные, с многочисленными ссадинами и ушибами, босоногие, они зло поблескивали глазами... Зарика встала и подошла к вошедшим. Она медленно обошла их и остановилась возле одного. Его темно-русые волосы слипшимися прядями спадали на лоб, закрывая, смотревшие недружелюбно, серые глаза. Скулы и подбородок покрывал светлый пушок... на вид, он был еще очень юн, но телосложением вполне крепок, из-под порванной рубахи выглядывали внушительные мускулы.

– Как кличут тебя?..

Плененный удивленно посмотрел с высоты своего роста на танцовщицу, говорящую на его языке.

– Родители Фролкой прозвали... – тихо проговорил он. – А ты из наших?

Зарика, ничего не отвечая, вернулась к ногам своего пове-

лителя.

Резко развернувшись, Юра напрямиком направился к выходу и в раздражении, со злостью, хлопнул дверью так, что жалобно задрожали стекла. Да он раньше и представить себе не мог такой ситуации, когда какая-то там девчонка, таким образом, может показать ему свое полное безразличие! Тем более, ему думалось, Вика должна была благодарить судьбу, за оказанное ей внимание! А она даже не соизволила предупредить его о своей выписке. Юра мог еще понять горделивых и самоуверенных, влюбленных в себя, красавиц. Они знали себе цену... но эта девчонка, по его мнению, перешла все границы! Хотя, конечно, Вика еще очень молода, – кажется, едва исполнилось восемнадцать и ее черты правильного лица еще не утратили подростковой угловатости. Несомненно, внешность, в будущем обещала стать вполне незаурядной... но, она была на костылях. Юра считал, что это делало участь девчонки, отнюдь, незавидной.

Началось это три недели назад. Он заглянул в больницу к приятелю, сломавшему себе в гололед ребра. Выйдя с ним из палаты, Юра увидел стоящих у окна двух симпатичных молоденьких девушек. Одна – светленькая, с короткой стрижкой. Другая – черненькая, с распущенными по плечам, волнистыми волосами. Она-то и привлекла внимание Юры. Худенькая, похожая на девочку-старшеклассницу, чем-то непонятно-неосознанным взволновала чувства Юры.

Он, ткнув приятеля в бок и кивком головы указав на девушек, спросил:

– Это что за крали?..

– А... из соседних палат девчушки! Самые молоденькие в отделении... – Саня отчего-то занервничал.

– Познакомь!

– Да я сам с ними не разговаривал даже еще!..

– Это не беда! Пошли... – решительно взяв курс к девушкам, отрубил Юра.

Никогда не лезший за словом в карман, он всегда легко заводил знакомства, легко завлекал женский пол в свои сети, легко с ними порывал связь, умудряясь при этом оставаться со своими бывшими девушками в хороших дружеских отношениях. Вот и тогда, как бы ненароком, завязал знакомство с Викторией, которая проходила лечение и обследование. Перехватив откровенно изучающий Юрин взгляд, Вика отвела в сторону свои, удивленно смотрящие на мир, черные глаза в обрамлении длинных и пушистых ресниц.

– Скучаем?.. – Юра встал рядом с длинноволосой.

– С чего это вдруг?! Просто, созерцаем зимний пейзаж... – улыбнувшись, сказала светленькая.

– А что там интересного?.. – не сводя своих глаз с ее подруги, произнес Юра.

– Вообще-то, если так подумать – ничего... но, красиво! Завораживает... – светленькая перевела взгляд на Саню.

Окно выходило в больничный парк, – деревья стояли

словно одетые в белые шубы, а снег искрился под солнечными лучами. . . действительно, так и казалось, что стоит только ступить ногой на это ослепительное покрывало, и он смачно захрустит.

– Может, лучше познакомимся, а потом будем вместе созерцать эту, вашу законную картину? – Юра, что называется, пошел ва-банк. – Позвольте представиться – Юрий. А это – Александр.

Саня его поправил:

– Нет, не Александр, а лучше – Саня.

– Очень приятно. Рая, – светленькая кивнула на подругу, – а она – Вика.

Чувствовалось, что Вике было не по себе под Юриным пронизывающим взглядом. Она взяла стоящие рядом костыли и оторвавшись от батареи центрального отопления как-то боком, словно боясь задеть парня, отошла чуть подальше. Юре показалось, что она хотела уйти, но передумала и решила остаться, чтобы понаблюдать за развитием событий. В тот раз, ему так и не удалось разговорить ее, так как на все вопросы девушка или отвечала односложно, или за нее это делала Рая. Впоследствии он часто вспоминал этот воскресный день, когда впервые увидел Вику. . . Ему очень хотелось завлечь ее, но она, то и дело, как бы ускользала от него. Вика не вписывалась в его стереотипы, – испробовав все свои приемы, Юра выдохся, и решил плыть по течению. Авось куда-нибудь да вывезет и что-нибудь да получится.

Каждый день после работы, Юрий стал навещать приятеля в больнице. Заодно будто ненароком, а потом уже и специально, виделся с ней. Саня рассказывал, что девушки вечерами частенько сидели в холле, смотрели телевизор и шутивно подтрунивали друг над другом. Иногда к ним присоединялись старшие «собратья по несчастью» и тут уж начинался хохот, чуть ли не на все отделение.

– Эх, хотел бы я лежать в соседней палате!.. – вздохнул однажды Юра в разговоре с Викой.

– Зачем?.. – удивленно подняла брови Вика.

– Тогда я находился бы рядышком и было бы веселее...

– Не поняла...

Юра тяжело вздохнул:

– Чтобы больше проводить время в вашей компании...

– Для чего?.. – недоумевала Вика. Она или была до того простодушна и действительно не понимала намерений Юры, или очень старалась не показывать, что видит его подноготную...

– Я никогда не болел. Мне не знаком больничный дух... – он снова страдальчески вздохнул.

Вика грустно засмеялась:

– С этим духом лучше бы и вовсе не знакомиться!.. Ты не много потерял!

– Нет, конечно же, я полностью разделяю твое мнение. Но из-за тебя я согласен поболеть...

– Воспалением хитрости?! – Вика перебила Юру, а Рая

заливисто рассмеялась так, как будто ей в рот попала смешинка.

Когда через неделю, Саня вышел из больницы, Юра пришел к Вике, которая этому очень удивилась.

– Странная ты личность!.. – воскликнула она.

Юра ей возразил:

– Что тут странного? Просто, я всегда делаю то, что мне нравится, и то, что я должен.

– ...должен?.. – недоуменно, эхом, спросила она.

– Да. Должен. Должен навещать понравившуюся мне девушку. – Юре показалось, что при этих словах Вика почувствовала некую неловкость. – Помочь человеку развеять больничную скуку...

– А с чего ты взял, что я тут скучаю?.. Мне кажется, я тебе не жаловалась!

Снисходительно улыбнувшись, Юра произнес как наставление:

– Чай я понимаю, что тут не дом отдыха... я должен... все мы, пока живем, кому-то и что-то должны!..

– Ничего ты не должен!.. – оборвала его, не на шутку, рассердившаяся Вика. – Если ты имеешь в виду меня, то должна тебя предупредить, что ты зря тратишь время.

– Почему это?

– Потому!.. – она встала со стула намереваясь уйти, но Юра удержал ее за руку. – Отпусти.

– Подожди, не уходи. Я... Мне надо с тобой поговорить. –

Юра нерешительно, как бы раздумывая, – стоит ли говорить, все еще удерживая руку девушки, продолжил: – Тебе Саня ничего не говорил?

Вика подняла на него свои глаза:

– А что он должен был мне сказать?..

– Ну... Про мои неприятности... – словно выдавил из себя Юра.

– Мы вообще с ним, ни тебя, ни кого другого, не обсуждали...

Юра, посмотрев на девушку, отпустил ее руку и тихо произнес:

– Сядь, пожалуйста... – Вика, уступив ему, медленно села. – У меня скоро будет суд... – в ее глазах, снова, появилось недоумение. – Меня... меня будут судить за драку в бригаде. Я набил морду одному прохвосту... ты извини меня за выражения, но иначе его я назвать не могу!

Вика тихо, с расстановкой, произнесла:

– За что ты его?

– Понимаешь, я совершенно случайно увидел, как он присваивал то, что делал другой... крал, можно сказать, готовое у другого... я его раз предупредил, второй, третий, – все безрезультатно... а потом не удержался и дал как следует!

– Так разве кулаками исправишь человека? – Вика поставила костыли обратно к спинке стула. – Надо было открыто пристыдить, перед всей бригадой, а не давать себе волю...

Юра огорченно пробормотал:

– В том-то и дело, надо было! Я же, понадеялся на его совесть. Ребята мне уже потом сказали, что подозревали за ним такой грешок, но за руку ни разу не могли поймать. Изворотлив, гад!.. – Вика поморщилась. – Извини, не удержался. А тут один на один его застукал!.. Блин, ведь верил: человек в ногах валяется, клянется и божится, что этого больше не повторится! Поверил, видите ли, пожалел, – детей у него трое, младший в ползунках еще ползает... ну, не удержался я! С кем угодно это может случиться. С кем угодно!

– Но, судить-то будут теперь тебя. – Вика посмотрела прямо в глаза Юре. – И что тебе, за это, грозит?

Тот пожал плечами:

– Не знаю... Может, тюрьма за хулиганство, на хороший случай – условно. Я ему, с дуру-то, не рассчитал силы, руку вывихнул...

– Ну... сила есть – ума не надо!.. – попыталась пошутить Вика. – Теперь остается лишь надеяться на милость судей.

– Какая, к черту, милость?! Меня уже из партии исключили, будто не он, а я – эти детали, в обеденный перерыв, из чужого ящика воровал и в свой складывал!..

Вика смотрела на него так, будто видела его впервые.

– Когда ж ты в партию-то вступил?

– Еще в армии, я ведь на границе служил. – Юра облегченно вздохнул. – Так что, накануне суда обрею голову и скажу там – или вы посадите меня, или я убью его!..

– Неужели тебе так хочется сидеть?.. нельзя же так нена-

видеть человека, каким бы отъявленным негодяем он ни был, у него должен быть шанс, чтобы исправиться... – в ее голосе послышались нотки сочувствия. – Зачем рубить с плеча?.. И потом, может, еще все обойдется... На зоне – не сладко.

– Ладно уж, уговорила. Пусть живет, может, когда-нибудь и исправится... Но ты сама-то, в то, что обойдется, веришь? – Юра пристально посмотрел Вике в глаза. Она ответила пожатием плеча. – Скажи, вот ты – согласилась бы переписываться с осужденным?

Вика молчала. Тогда Юра решил спросить напрямик:

– Если меня посадят, ты будешь мне писать?

– А ты этого хочешь? – Вика в ответ задала свой вопрос.

– Хочу!

Опустив глаза, Вика тихо произнесла:

– Можно мне подумать?

Юре тогда показалось, что она просто не хотела связывать себя словом. Ну почему, почему у него с Викторией ничего не получалось? Он смог ее заставить сочувствовать ему, но и только. Дальше этого – ни в какую. Она, по крайней мере, никак не выражала своих эмоций в отношении его.

После состоявшегося разговора, у него вроде бы, на какое-то мгновение, появилось ощущение, что лед тронулся и Вика заинтересовалась им. Участливо спрашивала о его делах, к месту безобидно шутила, но это было не то. Она все так же держала его на расстоянии, не подпускала его к себе.

Это-то и бесило Юру. Он не привык к такому долгому разбегу...

Когда Вика узнала, что его осудили условно на пару лет и с выплатой двадцати пяти процентов от заработной платы в пользу пострадавшего, у нее был такой вид, будто камень свалился с ее хрупких плеч.

– Ну и хорошо!

– А чего хорошего? – Юра чуть не взорвался. – Я еще и должен платить этому паразиту! Будто немощному!

– Это, – урок на будущее! Впредь будешь думать, прежде чем руки в ход пускать! – Вика улыбнулась. – Могло бы быть и хуже...

– Подумаешь, ну отсидел бы срок, – опыт был бы! У нас, в бригаде, чуть ли не каждый второй с таким багажом за плечами! Чай, не умер бы!

Она серьезно посмотрела на Юру:

– Я и не думала, что ты настолько легкомысленно относишься к своей жизни...

– А что в этом такого?! Не я – первый, не я – последний!.. У нас вся страна – лагерь, абсурд возведен в ранг закона!

Вика сделала большие глаза и оглянулась по сторонам.

– Ушам не верю! Чтоб такое сказал...

– Я понял, что ты хочешь сказать!.. – с горечью в голосе перебил ее Юра. – Но я теперь – бывший коммунист! *Бывший!*..

– Значит, все догмы – по боку?! – насмешливо спроси-

ла она.

– Ну, допустим, что все, возведенное в непоколебимый догматизм, когда-нибудь да рухнет! Ничто не вечно, все течет, все меняется... на то она и жизнь, чтобы идти вперед!..

– Да-а... – только протянула Вика.

Юра вспомнил предпоследнюю встречу с ней. Накануне, он решил предупредить, что завтра зайдет. На что девушка ответила, что ни к чему это.

– Ты и так, можно сказать, все свое свободное время проводишь тут. Надо мной в отделении уже подшучивают.

– Где и как я провожу свое личное время, – это касается лишь меня! – Юра сердито вскинулся и посмотрел вокруг. – Ну-ка, покажи мне тех, кто над тобой подшучивает! К ответу их, к ответу!..

Вика засмеялась:

– Перестань дурачиться, пожалуйста, не надо!

Юра улыбнулся:

– Вот такая, ты – мне лучше нравишься!.. Тебе полезно смеяться!

– Как говорит мой папа, «смех без причины, – признак дурачины»!.. – она прикрыла свой рот рукой. – С тобой – не соскучишься!

– Не хватало еще, чтобы ты со мной заскучала!.. – возмутился Юра. – Я здесь не для этого!

– А для чего? – Вика сразу стала серьезной.

– Для чего?.. – как эхо переспросил Юра и, дурашливо

продолжил: – а, правда, для чего? Ты случайно не знаешь?

– Ну если ты этого сам не знаешь, откуда я могу знать?.. – хитро вывернулась Вика. – Я не умею, как рентгеном, высвечивать душу...

Ему не хотелось дальше продолжать эту тему, да и он сам не знал точного ответа на этот вопрос. Точнее Вике этот ответ мог и не понравиться... Многим девчонкам подавай конкретику и стабильность, тогда как ему это претит. Он сам еще не уверен в своем завтрашнем дне. А тут еще это... Что, «это»? Юра не мог объяснить. Почему он с такой настойчивостью добивается Викиного расположения? В былые времена он давно бы плюнул на все. А тут будто какая-то неведомая сила магнитом сюда тянет! Может, это самолюбие разыграло, что им пренебрегают! Скорей всего, так и было, – гордость не позволяла признать то, что ничего у него не получилось. За свои двадцать два года, подобное, у него случилось впервые. И по этому, когда на другой день Юра пришел в больницу, ему в голову пришла абсурдная, на первый взгляд, мысль.

Минут пятнадцать он созерцал Викину спину, смотрящую в больничном холле, вместе с другими, по телевизору «Утреннюю почту». Там малолетка, дочь знаменитой певицы, пыталась петь:

...Пусть говорят, пусть говорят,
Что виноват, что виноват

Тут месяц май...

Рядом с Викой сидела Рая и, в такт музыке, покачивала головой. Вот за это время, он и решил для себя: – если, после его оригинального появления, Вика не подойдет к нему, то здесь ему больше делать нечего! И Юра, четко чеканя шаг, не оборачиваясь прошел через весь холл, прямо в отделение. Прошел так, что с его широких плеч чуть не слетел белый халат. Он был уверен, что это даст результат. Только вот какой?

Остановившись у окна он стал ждать. Через минуту-другую Юра услышал, что она идет. Его сердце отчего-то бешено заколотилось, готовое вырваться прочь из груди. Когда Вика была уже в полуметре от него, Юра на каблуках резко развернулся к ней.

На милом Викином лице он прочел смятение и растерянность. Встретившись с ее черными глазами, он чуть не расхохотался, так как словно увидел себя со стороны, хорош же он был! Но, надо было держаться до конца и увидеть, чем все это кончится. Заплетающимся языком он попытался ей объяснить, что заглянул ненадолго, – у невесты его друга день рождения. Что еще обещал зайти к нему... – надо было видеть Викину реакцию! Юре даже показалось, что девушка еле сдерживает свое негодование. Наконец-то ему удалось вывести ее из себя, теперь-то он увидит ее настоящую!

– Так зачем ты пришел?! – Вика огорченно спросила

Юрия. – Не надо было приходиться!

– Но я же обещал!..

– Ну и что? Я ведь сказала, что не надо приходиться...

– И потом добавила, что это мое дело!.. – перебил он ее.

– Ты вынудил меня это сказать. Я и не ждала...

– Так и уж не ждала?.. – он снова поймал ее взгляд, казалось, что Вика готова была расплакаться.

– Я... я не думала, что ты придешь... – но слышалось ему совсем иное и в голове крутилась только одна мысль: «...она ждала меня!.. она ждала меня!.. ждала!..» – его душа ликовала, – победа!

– Я обязательно приду завтра. Что тебе принести?.. – от радости он и забыл, что собирался сыграть нетрезвого человека.

Сбитая с толку внезапной переменой Юры, Вика только пролепетала:

– Ничего не надо...

– Скажи мне, что ты больше всего любишь?

Мгновенно, будто поняв в чем дело, и придя от этого в себя, Вика вдруг сказала:

– Слушай, отстань от меня, а?! Я ничего и никого не люблю! Все, тема закрыта!

– Так и уж закрыта?.. – он широко улыбался. – Сдается мне, нам с тобой еще о многом надо переговорить. И не только!..

Вот и поговорили, называется. Нет, тогда они целый час

стояли в коридоре у окна, и болтали обо всем, что придет в голову. Почему-то с Викой невозможно было говорить о том, о чем он хотел. Всегда съезжали с колеи куда-то не туда. Из головы напрочь вылетали заранее заготовленные фразы...

Юра бросил на снег докуренную сигарету и повернулся, чтобы идти обратно. Надо было допытаться у Раи адрес. Адрес, где жила Вика. Надежды, что она сама позвонит ему домой – не было. Не смотря на то, что у нее был его домашний телефон, Вика еще ни разу ему не позвонила. ...Если, как говорится, Магомед к горе не идет, то значит, горе надо идти к Магомеду! В городе около сорока тысяч населения, а он только знает, что живет она где-то на поселке. Все-таки зацепила она его основательно! «Ну и бестия же, однако! Я все равно должен добиться задуманного результата, или это уже буду не я!..» – подумал Юра и резко дернул на себя дверь.

II

Как только опасность миновала, Вика вышла из своего укрытия. Маша увидев растерянное лицо своей двоюродной сестренки, расхохоталась.

– И долго еще ты будешь избегать своего ухажера?!

Вика посмотрела на нее затравленными глазами:

– Смейся, смейся! А мне вот – не до смеха! – Маша села на диван. – Не могу я больше... – и она расплакалась сев рядышком.

– Глупышка! Он же, по всей вероятности, любит тебя!.. – с нежностью обняв Вику за плечи, ласково произнесла Маша. – Стал бы он, иначе, так настойчиво добиваться встреч с тобой?!

– Не верю я ему! Понимаешь, не верю! На что я ему *такая?*..

– Какая – такая?.. – словно не поняв ее, строго спросила Маша. – Твоя болезнь – это временное явление! Вот увидишь, после операции, ты снова станешь такой, какой и была раньше!

– А если – нет? Ведь, как сказал хирург, шансы есть, но они – минимальны...

– Фи, велика беда!.. – стараясь выглядеть убедительно, сказала Маша. – Бывает гораздо хуже! Некоторые вообще вон, с постели встать не могут!

– Меня тоже временами так гнет, что света белого не видишь...

– Но ты же держишься у нас молодцом! И я верю в тебя! Верю. – Маша вытерла ладонью слезы у сестренки и притянула ее за плечи к себе. – Успокойся. ...И не надо самой все усложнять. Смотри на мир проще!..

Вдруг вспомнив как недавно пыталась показать знаками сестре, что ее, мол, нет дома и чтобы прикрыла дверь комнаты, куда второпях юркнула сама, Вика рассмеялась.

– Нет, главное я, изо всех сил ей жестикулирую, а она – ничего не понимающе смотрит то на меня, то на него!.. Ну, думаю, выдаст меня сейчас, Машка, со всеми потрохами!

– А я уже была готова его пригласить войти в комнату, когда увидела как ты трясешь кулаком... – смеясь, проговорила Маша. – И ведь не знаю, что и сказать, когда он спросил о тебе. ...Ляпнула первое попавшееся на ум, а потом только напугалась, вдруг адрес санатория, где ты сейчас «находишься», спросит. ...Мне чуть плохо не стало!

– Но, ты же нашлась, что ответить!..

– Попробуй, не найдись, если тебе угрожающе кулак кажут!.. – снова засмеялась Маша. – Нет, все-таки, он, наверняка, догадался...

– А наплевать! Пусть – догадался! Может, хоть так, – останется от меня! – Вика тяжело вздохнула. – И чего ему от меня нужно? Больше года мне голову дурит!

Маша отстранилась от Вики, посмотрела на нее и, с улыб-

кой, сказала:

– А тебе ничего твое сердечко не говорит? – Вика в ответ только вздохнула. – Давай поговорим на эту тему? Может, что-нибудь и выясним.

«Что тут говорить-то, – думала Вика, – все итак, без слов, ясно!..» Как Юра появился у них в доме, на восьмое марта, в прошлом году, такой весь из себя, как всегда щеголевато одетый, с букетом и конфетами, так и кончилась ее спокойная жизнь. Будь неладен тот день, когда он подошел к Вике! Лучше бы сразу тогда уйти, а она зачем-то осталась. ... Или, сразу отшить. ... Не думала она, что все это так затянется и примет подобные угрожающие, для нее, обороты. Без всяких задних мыслей, Вика поддерживала больничные разговоры, а когда почуяла своим нутром неладное, оказалось уже поздно.

– Знаешь, Маш, он меня очень пугает!.. Такое противоречивое чувство вызывает, что я даже не знаю...

– А чем именно? – Маша пристально смотрела на сестренку.

– Не знаю. Но есть в нем что-то отталкивающее! Вроде он как бравирует тем, что вот он я, – простой рабочий человек, специально может ругнуться, выкинуть нечто экстравагантное, словно корчит из себя такого приклатненного рубаху-парня. ...А сам, смотрит, на тебя, эдаким просвечивающим взглядом, – как ты это воспримешь... Я, конечно, могу быть и не права, но, насколько, можно судить по поведе-

нию и разговору Юры, он вовсе не «ангел»... так выпячивает свои недостатки! Одни его слова, сказанные еще в больнице: «меня в нашем городе все знают. Те, с кем я дерусь, впоследствии, становятся моими друзьями!..» действуют на меня ужасающе. Согласись, что кто угодно, если так себя будет преподносить, произведет впечатление настоящего бандита!

– Ничего, себе, заявочка!.. Хотя, агрессия у мужчин, сидит в крови. Если мужчина никогда не дрался, то это, наверное, не мужчина... Нет, а мне он показался ничего, нормальным... хоть и вид у него, довольно-таки, оригинальный...

Вика улыбнулась:

– Его длинные волосы, с завивкой, меня поначалу шокировали, честно говоря. Хотя, для мужчины весьма похвально, что он следит за собой... Ты, вот, его только раз видела, а он тебя уже перетянул на свою сторону! Такой, «свой, в доску»! Вот и там, в больнице, мне тоже так показалось! Но потом... потом, я везде стала наткаться на расставленные сети. Я стала себя чувствовать не в своей тарелке... неприятное ощущение.

– А может, тебе это только казалось? Такое бывает. Иногда, человек навдумывает себе многого, а на деле, оказывается, все иначе!

– Как я хотела бы, чтобы это оказалось так! – Вика тяжело вздохнула. – Но, увы...

Викю не покидало странное ощущение тщательной продуманности всех Юриных поступков и действий. Будто он

старался ей внушить мысль, что она, Вика, для него очень значима. Значима до той степени, за которой, может быть, только самый близкий и дорогой человек. Вначале, она принимала это просто за жалость. А после, все начало выглядеть весьма сомнительно и стало походить на игру. Игру на ее девичьих чувствах. И потом... это напоминало Вике простое упрямое достижение цели. Когда надо, во что бы то ни стало, добиться своего! Ощущение дискомфорта не покидало ее души. Иногда, увидев в окно знакомую, среднего роста коренастую фигуру, она со словами «меня дома нет», успевала спрятаться еще до того, как Юра появлялся на пороге. Но в большинстве случаев ей приходилось вести «непринужденный, великосветский разговор», после которого, Вика чувствовала себя очень скверно. Бесконечные Юрины намеки на скуку и на одиночество выводили ее из себя, выбивали из наезженной колеи... Его бравада раздражала, вызывая стойкое внутреннее неприятие. Ей казалось, что еще немного, и она не выдержит и сорвется, пошлет его куда подальше!

– Господи, Маш, ну сама подумай, – мне все это надо?! ...у меня сил уже не хватает! Я устала! Ну, жалеет он меня! А я этого – не хочу!

– Только, согласись, что иногда... – сочувственно посмотрев на Вику, сказала Маша. – Иногда, очень хочется, чтоб тебя хоть чуточку, пожалели... Это очень приятно сознавать, что ты не одинока в нашем суматошном мире...

Вика опустила глаза:

– Может быть... только, не так, как это делает он!

– А как это делает он? – Маша опять посмотрела на сестренку.

– Ну, не знаю... Вроде чувствуешь искренность и в то же время, он ведет себя как-то не так... Вот ты говоришь, что Юра любит меня. А я думаю, что не любовь им движет, а нечто другое. Да, чувствуется, что он – волевой, что характер у него сильный. Он весь такой импульсивный, горячий! Он привык настойчиво добиваться поставленной цели. Нереализованная энергия прямо, порой, сбивает... я бы назвала это внутренней агрессией, но, боюсь, что это будет не совсем точно... Я не знаю, как тебе объяснить.

– Нет, я тебя поняла. Ты дала его психологический портрет. Насколько он точен, я не берусь судить, но то, что я успела заметить – совпадает.

– Вот и я, как-то ему сказала, что у него мысли не тем заняты и, что все его беды от этого... а он мне в ответ, с улыбочкой говорит: «ты – хороший психолог, верно подметила, я с тобой полностью согласен. Но, чем это объяснить и что мне теперь делать?» Я ответила, что обычно, такое происходит с теми, кто не знает в чем себя реализовать. Ведь большинство в его возрасте женятся, растят детей и им некогда «выяснять отношения, с первым непонравившимся встречным, махая кулаками»... а Юра засмеялся и сказал, что этом смысле, он чист как стеклышко, свободен. Говорит: – «посуди сама, разве мог бы иначе я, сейчас, быть тут, с тобой?!»

Он, вероятно, подумал, что так я хочу узнать о его семейном положении. А меня этот вопрос совершенно не интересует. Я никогда не смотрела и не смотрю на ребят, как на потенциальных женихов. Это было бы глупо!

Маша улыбнулась:

– В том-то, скорей всего, и причина! Знаешь, мужчины своим нутром чувствуют, когда на них «охотятся» девчонки. Они, как огня, боятся хомута вроде женитьбы. Как мартовские коты, они всегда гуляют сами по себе. Но, когда встречаются такие экземпляры, которые им не уделяют привычного, для них, внимания, это их задевает. Может, тогда, причина в этом?

Вика задумчиво пожала плечами. Вероятность Машиной правоты ей показалась великой... Сестра больше, чем на порядок лет старше ее и одна растила сынишку. У нее есть некий опыт в общении с мужчинами. А какой опыт у нее, Вики? Она, домашний ребенок, интуитивно избегала всяких опасностей. Думая, что здоровье – прежде всего, держалась бесхитростно, непосредственно и простодушно с ребятами. И случай с Юрой выводил ее из состояния душевного покоя. Не зная до тех пор сердечных волнений, она была буквально сбита им с толку. Не понимая, какой конкретно цели добивается Юра, Вика увязала в тине их сумбурных отношений все больше и больше... То он был с ней само внимание, вежлив и обходителен, то грубоват, резковат и показывал себя с нелюбезной стороны, но, в тактичности и деликат-

ности – отказать ему было нельзя., все-таки мнение о нем, у Вики складывалось не в лучшую сторону. После его первого появления у них дома, вопреки желанию Вики, было и второе, третье, четвертое... Ее мать, Ксения Ивановна стала нервничать. Каждый день у них возникали стычки, можно сказать, на пустом месте. А потом, состоялся решающий разговор матери с дочерью.

– Он не тот человек, за которого выдает себя, Вика! – Ксения Ивановна старалась казаться, как можно, строже. – Разве нормальный человек будет постоянно впутываться в сомнительные истории?! Да и такие люди, которые с легкостью поднимают руку на других, и в семейной жизни могут себя вести аналогично!

Догадка сразила Вику наповал и, можно сказать, шокировала:

– Да, ты что, мама! Думай, что говоришь?! Какое отношение все это имеет ко мне?

– Самое прямое! – Ксения Ивановна сердито поджала губы.

– Мама! Ты так говоришь, будто я собираюсь за него замуж! – Вика весело и непринужденно рассмеялась. – Если ты, в самом деле, испугалась этого, то твои страхи беспочвенны!.. – она показала на кончике своего мизинца. – Юра, мне даже на столечко не нравится!.. Пожалуйста, не беспокойся!

– Господи, ну как не беспокоиться за свою дочь?.. – сме-

нила гнев на милость мать. – Не для такой доли мы тебя растили...

Вика подошла и обняла ее:

– Мамочка, пока еще, моя голова на месте... – она заглянула своей матери в глаза. – Я виновата, что не делюсь с тобой сердечными тайнами, которых у меня пока еще нет... Но, я тебе даю слово, если мне кто и понравится, то ты будешь первая, кто об этом узнает!

Ксения Ивановна тоже обняла дочь и так они долго сидели в тишине... После этого разговора, мать успокоилась и перестала донимать дочь своими наставлениями. Только Вике не стало легче. Ее стали мучить ночные кошмары, где большая лохматая черная собака то и дело преследовала ее по пятам. Эта собака незаметно, из сна в сон, приняла вначале смутные, а потом и четкие очертания Юры. Ее бросало то в жар, то в холод, она пыталась спрятаться, убежать от него, но он все равно настигал Вику и внезапно вставал перед ней. В самый последний момент, Вика просыпалась с немым криком на устах. Казалось, злая игра шла уже на подсознательном уровне. И она решилась. Решилась поставить жирную точку, думая воззвать к чувствам, ставшего причиной ее душевного дискомфорта, человека.

– Юра, пожалуйста, не обижайся на меня за то, что я тебе сейчас скажу... – произнесла Вика в последнюю их встречу. – Мне скоро предстоит сложная операция и, я прошу тебя, давай прекратим эти встречи...

– Почему?.. – сделал удивленные глаза Юра.

– Мне очень сложно тебе объяснить. Но, я попробую. – Вика выдержала взгляд его, кошачьего цвета, глаз. – Только, дай мне вначале слово, что чтобы ты, сейчас, ни услышал, ты не обидишься на меня!

Юра посмотрел на нее, долго и изучающе, словно взвешивая все за и против, и ответил:

– Хорошо, даю.

– Понимаешь, мы с тобой совершенно разные люди и, общение с тобой, – меня очень выматывает, мне сложно... Мои нервы, честно говоря, на пределе. Если так будет продолжаться, то операцию мне, просто, не перенести.

Юра недоуменно посмотрел на Вику:

– А мне казалось, что дружеское участие помогает...

– Ты... ты считаешь себя моим другом?! – Вика широко раскрыла свои глаза. – Тогда тем более! Ты должен меня понять.

– Что я должен понять? То, что ты не хочешь больше меня видеть?.. – в его голосе слышались подозрительные нотки. – Я тебе надоел, скажи прямо?!

Вика опустила голову.

– Я же тебе сказала, что ты меня держишь в постоянном напряжении! Я не понимаю цели твоих посещений... мне кажется, ты меня принимаешь совсем не за ту... по крайней мере, я ценю тебя как друга! Понимаешь? Спасибо тебе. Но наше знакомство, по-моему, идет куда-то не туда...

– А куда, по-твоему, оно должно идти?.. – в его голосе зазвенели металлические нотки. – Что-то я тебя не понимаю!

– Брось, все ты хорошо понимаешь! – Вика подняла свои черные очи, полные отчаяния. – Забудь обо мне, хоть на какое-то время, пожалуйста... прошу тебя...

На Юрином, широкоскулом лице проявилась эмоция досады и раздражения:

– Хорошо. Ты лишила меня возможности выбора... Желание женщины – закон. Мне, теперь, ничего не остается делать, как проглотить эту горькую пилюлю!.. – он резко встал. – Только, я хотел бы услышать от тебя ответ на один вопрос. А ты уверена, что эта операция, на которую ты возлагаешь такие надежды, тебе поможет?

– Да, – она опустила голову. – Да... но, и в другом случае, я ничего не теряю... – и, совсем тихо, словно не хотела, чтоб Юра услышал ее слов, добавила: – ...жизнь хороша, но не для меня...

Но Юра услышал эти слова и, присев перед ней на корточки, заглянул в ее полные слез глаза:

– Везде только и говорят об этом: на улице, на работе, друзья... а я как-то не думаю о смерти всерьез... не понимаю...

– Значит, у тебя не было такого... иногда смерть бывает единственным спасением и желаннее чем жизнь...

Молчание затянулось и его прервал Юра:

– Хорошо, я уйду с твоей дороги. Я, наверное, действительно, перегнул палку... прости... – он резко встал, нагнув-

шись и поцеловав Вику в наклоненную голову, решительно направился к выходу. Уже возле двери он бросил: «с твоего разрешения, я как-нибудь загляну...» и, не дожидаясь ответа, вышел.

С тех пор прошло больше полугода. Дважды, из-за плохих анализов, откладывали Викину операцию. Время шло и она стала потихоньку забывать о своем «не названном друге». Хотя, Вика никогда не определяла их знакомство дружбой. Для нее это было затянувшимся недоразумением. Нельзя сказать, что она никогда не мечтала встретить сильного и мужественного друга, такого, на которого можно положиться в трудный момент. А Юра совсем не вписывался в определенные ею рамки. Он был нечто совсем другое...

– Маша, представляешь, я сегодня увидела его во сне. – Вика нахмурилась. – Такая белиберда снилась! Будто Юра похитил меня со свадьбы... а свадьба была моя! – Маша с интересом посмотрела на сестренку. – И знаешь, мы с ним очень долго скакали на лошади, по ночной степи... Теперь я поняла, что этот сон показывал на его приход.

Маша, не соглашаясь, покачала головой:

– Это совсем не на это... Хочешь, я расшифрую его?

– Давай!.. – согласилась Вика.

– Свадьбы – предупреждают о каких-то трагедиях... ну, скажем, типа вдовства... Лошадь – это мужчина... Короче, скорей всего, ты в конце концов выйдешь замуж за Юру...

– И похороню его! – Вика недоверчиво глянула на сестру

и засмеялась. – Так черт знает, до чего, можно договориться! Скажешь, тоже!..

Маша серьезно посмотрела на нее:

– Хочешь – верь, хочешь – не верь, но помяни мое слово!

Юра, скорей всего, будет твоим вторым мужем!

– А откуда ты все это, знаешь?! – Вика расхохоталась нервным смехом. – Вот уж кого я даже не могу представить на месте своего мужа, пусть он будет хоть десятым по счету!

– У меня есть старинный бабушкин сонник. Если хочешь, я принесу тебе его. – Маша встала с дивана.

– Нет, – как-то испуганно вырвалось у Вики. – Это явная чушь, которой я не хочу верить. Не то что читать!.. Ерунда какая-то!..

– Я тоже, раньше, не верила. Жизнь заставила. Конечно, не все наши сны исполняются, лишь энное количество процентов. А этот, твой сон, явно, пророческий!.. – Маша улыбнулась, видя, как сестренка пытается переварить услышанное. – Между прочим, в вашей внешности, есть что-то схожее... это тоже показывает, что у вас все может получиться... И знаешь, по сути дела, все в нашей жизни уже предопределено! Хочешь ты этого, или нет, а это твоя судьба. Вам свыше предназначено быть вместе! И рано или поздно это произойдет...

– Ты еще скажи, что он нервы мне, неосознанно, все это время, трепал именно по этому! – Вика зло блеснула глазами. – Надо же, до чего договорились! Чтоб я вышла замуж

за этого драчуна?! Да я ни за что и никогда не сделаю это!.. а если это и произойдет, то, значит, случилось самое худшее в моей жизни и я – сошла с ума!

– Никогда не говори – «*никогда*»! Напрасно ты иронизируешь, дорогая моя! – Маша с грустью посмотрела на нее. – Поживем – увидим, время покажет. Ладно, засиделась я у тебя. Пашка, наверное, вернулся из школы. Пойду я.

Вика встала и пошла провожать сестру. Скоро должны были придти с работы родители.

III

Маша открыла глаза и сладко потянулась. Век бы так вот спала... но, надо было возвращаться из мира сновидений в реальность бытия. Пора было вставать, приводить себя в порядок и будить сына, который учился в городской школе. Ему надо было успеть на приходящий рейсовый автобус, что частенько «чудил» по прихоти шофера – то безбожно опаздывал, то значительно опережал график, тем самым показывая полное пренебрежение к пассажирам. В автобусном салоне, редко увидишь порядок: невымытый и заплесанный донаельзя, с пыльными продавленными сиденьями, причинявший массу неприятностей людям; да и культура там, естественно, соответствующая. В душной тесноте, можно было быть оплеванной колоритным русским матом и насадить на свою опрятную, до данной поездки, одежду всевозможных пятен грязи и мазута. Не смотря на это, для Маши и ее сына, общественный транспорт – единственное средство передвижения (естественно, после своих ног), и ничего не оставалось делать, как пользоваться им, когда торопишься успеть вовремя. Хорошо еще Маша редко пользовалась колесами и пешком добиралась на работу, ставшей в последнее время настоящей каторгой.

Она встала, накинула халат и, застелив свою постель, пошла будить своего четырнадцатилетнего сына, который для

Маши, – все такой же маленький ребенок, нуждающийся даже в мелкой ее опеке.

Сын уже догонял свою мать, хотя Маша, отнюдь, не маленького роста, а ее худоба (как в народе говорят – кожа да кости) делали Машу зрительно еще длиннее, похожей на ходячий столб. Пашка же, с каждым годом становился похож на своего отца, соблазнителя Маши, не только внешне... из угловатого подростка проглядывали черты того красавца-мужчины, каким ему предстояло стать и, Маша, в своем ребенке узнавала, давно забытые черты любимого ею человека. Конечно, Пашка был похож и на мать (было и Машино в его красивом лице... такие же смоляные волосы, брови, смуглая кожа), но все же, это был ее, Машин, Геннадий.

Она тогда работала первые месяцы в далекой деревушке, находившейся в нескольких километрах от райцентра, куда ее направили после окончания педагогического института. Новое местожительство, новые люди, первые ученики – такие разные, непохожие друг на друга... Нелегко было ей на первых порах, хоть вроде и с хозяйкой квартиры, одинокой бабушкой Дашей ей повезло, та приняла ее как родную. И коллектив учителей отнесся к Маше вполне доброжелательно. И с учениками она вошла в контакт сразу. А вот трудновато ей было и все тут. Чего-то ей не хватало... а чего – она и сама не знала. У нее в душе словно находилась сжатая до предела пружина, мешающая ей просто жить. Ей казалось, что эта пружина в конце концов подтолкнет ее на что-

то непоправимое. Она боялась себя, своих смутных предчувствий. И они ее не обманули.

В один из осенних вечеров, пошла она в деревенский клуб – привезли фильм с участием артиста, который был симпатичен Маше. Место возле нее оставалось свободным и через некоторое время, вежливо спросив у нее разрешения, туда сел незнакомый Маше парень. Весь сеанс она чувствовала на себе его изучающие взгляды.

По окончании фильма, когда включили свет и так получилось, что встали они одновременно, Маша услышала:

– Разрешите вас проводить?

Маша удивленно посмотрела на него и неопределенно пожала плечами. Ей, вообще-то, все равно: одна она пойдет, или кто-то ее будет провожать... и не спеша пошла к выходу, а следом за ней, этот высокий, широкоплечий парень. На вид ему было лет двадцать пять... по его походке, можно было сказать, что он военный.

– Давайте познакомимся. Меня зовут Гена, а вас?

Так вот просто, у них завязался разговор, из которого Маша узнала, что Геннадий уже неделю находится тут в отпуске, что он – военный инженер и что его мать работает в деревенском фельдшерском пункте.

– Ну как вам, нравится у нас?

– Да, у вас тут красиво и люди хорошие живут... но, так устроен человек, – его всегда будет тянуть на Родину, туда, где он родился и вырос, где прошло его детство... Признать-

ся, домой очень хочется.

– Ничего, это только поначалу так, а потом привыкнете, обживетесь. Выдадим вас замуж за нашего, деревенского парня, нарожаете ему детишек и будет у вас здесь дом...

Маша хмыкнула, представив себе эту картину: она, располневшая, с краснощеким мужем-увальнем... «Нет, спасибо! – подумала она. – Мне такого счастья не надо!».

– Что, не верится? Это только в начале так... вон, до вас, четыре учительницы приезжие, тоже поглядывали на сторону. Хотели положенные три года отработать и уехать. Увы, не пришлось. А спроси теперь, хотят ли они уехать отсюда?.. Куда? – здесь теперь у них дом, семья, хозяйство... – цинично закончил он.

От этих слов Геннадия, у Маши почему-то тоскливо заныло сердце. Может оттого, что ей вовсе не хотелось прожить свою жизнь по этому серенькому сценарию: замужество (не по любви, а лишь из страха остаться одной, потому что, все подруги замужем и потому что, так полагается...), семья, дети и муж-выпивоха с раздирающими душу скандалами. Ведь даже, если и поженятся двое по любви, у многих, в итоге – раздоры и взаимная ненависть... Насмотрелась Маша на своих подруг и знакомых, да и родители, до развода жили – страшно вспомнить. До сих пор, ей снятся по ночам кошмары тех дней... Однажды, придя поздно домой, пьяный отец зажег над ней спичку, когда она спала с матерью, и стал искать жену, чтоб дать волю своим кулакам. Та спичка вы-

пала из пьяных рук, когда он замахнулся на мать, и упала на Машин висок оставив о себе вечную память в виде шрама.

«Нет, не хочу!» – опять подумала Маша и открыла калитку у дома своей квартирной хозяйки.

– Спасибо за компанию. Спокойной ночи!

– Маша! Подождите... – Геннадий положил свою большую ладонь на ее руку. – Завтра увидимся?

– Не знаю, – грустно ответила Маша. – Может быть...

Такой была их первая встреча, которая дала начало их короткому, но бурному роману. С каждым разом, Маша открывала в себе все новые и новые чувства, не знакомые ей до этого времени. Что-то приоткрылось ей в тайне двоих. Теперь ей казалось, что может, любовь и не такая уж страшная штука с неизбежным серым концом холодности и равнодушия. Есть же и те, сумевшие сохранить свою любовь на всю жизнь. Ей хотелось, чтоб у нее было совсем иначе, чем у других. Тем более, что Геннадий не был похож на тех, кого Маши знала. Он был совсем другим, особым, лучше... Короче, Маша сама не заметила, как влюбилась и с головой окунулась в этот страстный и жгучий водоворот, забыв обо всем на свете. Она похорошела от того счастья, которое плескалось в ее глазах. Если раньше Машу не считали дурнушкой, а просто не замечали, то теперь... теперь она чувствовала на себе не только заинтересованные взгляды мужчин, но и ревнивую зависть женщин. Маша ощущала себя более свободнее, словно выпрямилась, скинула тяжелый груз с плеч. Впрочем, это рас-

прямилась та самая пружина, не дававшая ей свободы действий, или иначе говоря – комплекс неполноценной семьи.

Все это время, пока они были вместе, Маше показалось одним сладким мгновением, очнувшись после которого, она ужаснулась тому, до чего она скатилась, что с ней произошло. Геннадий уехал, пообещав ей писать. И все. Будто и не было его в Машинной жизни...

Когда она обнаружила, что в положении, на нее обрушилась безысходная апатия, ужасающая своей пустотой. «Господи, – думала Маша. – И ведь не глупая, должна понимать, а что натворила... как же я теперь?..» Она считала это справедливой расплатой за все ее тайные надежды и веру в лучшее, за вечное сокровенное желание любить и быть любимой вопреки трезвому голосу разума, говорившему ей, что ни на кого в этом мире нельзя положиться, даже на саму себя. Каждый жил как мог, по своим способностям...

Первой почуяла неладное квартирная хозяйка баба Даша и отговорила Машу от тяжкого греха.

– Ах, антихрист!.. не думала я, что Генка такой паршивец... А мать гордится – первый парень на деревне!.. вот, что с ребятами большие города-то делают! А ты не бойся, рожай ребяточка. В обиду не дадим!

Но Маше стало невозможно оставаться в этой деревеньке, где каждый про всех все знает, где все на виду. Да и стыдно ей было встречаться с матерью Геннадия, которая с нескрываемой ненавистью и презрением смотрела на Машин жи-

ВОТ...

Решение уехать домой пришло после долгих раздумий, после того, как Маша так и не дождавшись ответа от Геннадия, написала обо всем своей матери. И она, Машина мать, ответила ей коротко, но ясно: «приезжай, вырастим».

Мать у Маши, была своеобразной... люди открыто недоумевали: разве можно иметь несколько лиц человеку, тем более – женщине. У Машиной матери был лишь один талант – она была со всеми в *хороших* отношениях и в то же время, не боясь, за глаза, бесстыдно вылиwała на них ушат с помоями... она ссорила людей, оставаясь всегда как бы ни при чем. Свои же слова она преподносила так, как будто это были слова другого, конкретного человека. Да и самые безобидные фразы она переворачивала таким образом, что они полностью теряли свой первоначальный смысл, больно били того, кому они предназначались. В результате – взаимная ненависть, еще вчера, дружных людей.

Себя же, Машина мать, никогда и никому не давала в обиду. Тот случай, когда Маша приехала домой без мужа, но с ребенком – вызвал разные кривотолки, которые тут же затихли стараниями ее матери, так как никому не хотелось попадать на ее поганый язык. А не дай Бог, какой-нибудь другой девчонке *принести в подоле*, то житья не было в первую очередь от Машиной матери: живьем съедала, со всеми потрохами. Может, таким образом, она мстила людям за свою неудавшуюся жизнь с мужем, за свою быстро

пролетевшую молодость, за то, что с давних лет ее, как бы, сторонились окружающие... и только те, кто хоть чем-то походил на нее, старались заслужить расположение Машиной матери. В том, – ей некого было винить, так как, она сама понимала, что многих отталкивала своим двуличием и черной завистью, буквально патологической жадой причинить как можно больше страданий и боли своим мнимым или явным врагам. Сключников в поселке достаточно, но Машина мать занимала среди них самое первое место. Что не так в самом поселке, на работе у Маши, или у кого-то появилось нечто, казалось бы, сомнительным образом (он живет не по явным средствам, или еще что, нечто подобное) то тут же рука Машиной матери тянулась к листку бумаги и ручке. Без промедления во все концы летели жалобы и анонимки в поисках социальной справедливости. Ей это, по видимости, доставляло моральное удовлетворение. И ей не было никакого дела до своей очередной жертвы, изводимой постоянными проверочными комиссиями. Портить кровь другим доставляло ей наслаждение, себя она ставила выше всех, это стало одно из основных ее занятий жизни, без которого она себя просто не мыслила... Ради этого удовольствия, Машина мать готова решительно на все, даже идти по трупам тех, кто ей ненавистен. Маша порой осуждала свою мать за такое. Ведь в конце концов, та людская настороженность и нелюбовь переходили и на Машу, как на ее дочь. Но какой бы мать ни была, – она мать. И родителей не выбирают. Маша изо всех сил ста-

ралась не замечать этого и, постепенно, с годами, стала походить на нее. Так же начала хвастаться и ненавидеть своих соперников, на каждом шагу ставить им подножки... но, это было скорей всего не целью, как у ее матери – ударить больно другого, а чтобы защитить себя, скрыть свою уязвимость перед жизнью и ее болезненными ударами. Маша как улитка спасалась в этом панцире ото всего, что грозило ей неприятностями, говоря себе, что в жизни все так устроено: выживает лишь тот, кто окажется сильнее, смелей, ловчее и нахрапистее. Если не ты, то тебя... Правда, от такого жизненного принципа ей легче не становилось, а только хотелось все сильнее завывать во весь голос от своей беспомощности изменить ход событий в своей судьбе. То, чего Маша очень боялась в молодости, – неотвратимо стояло над ней все эти годы. Все в жизни приобрело серый оттенок, включая и любимую когда-то работу. Она не приносила больше удовлетворения. Разве о таком мечталось в юности, не смотря ни на что...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.